

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ

ИЗЪ РУССКИХЪ ИЗДАНІЙ.

Счастье и любовь въ новыхъ разсказахъ Ан. П. Чехова. — Письмо безпредметной тоски. — Гибель черногорскихъ „орловъ“. — Воспоминанія о Шамилѣ. — Присловія Ф. М. Достоевскаго. — Русские помѣщики пятьдесятъ лѣтъ назадъ.

Ан. П. Чеховъ возвращается къ тому роду беллетристики, которымъ онъ дебютировалъ въ литературѣ — маленькимъ разсказамъ, на нѣсколькихъ страницахъ передающимъ эпизоды изъ жизни маленькихъ людей, причемъ въ каждомъ разсказѣ чувствуется поэтически-философскій оттѣнокъ, заставляющій не только наслаждаться, но и задумываться надъ прочитаннымъ. Повидимому, талантливый беллетристъ задумалъ цѣлую серію разсказовъ, начавъ ее «Человѣкомъ въ футлярѣ». Два новые разсказа, появившіеся въ «Русской Мысли», — «Крыжовникъ» и «О любви» объединены съ первымъ какъ общностью настроенія, такъ и одинаковой манерой изложенія: разсказы представляютъ бесѣды и воспоминанія однихъ и тѣхъ-же лицъ, — нѣчто вродѣ новеллы Боккачіо, разумѣется, только по формѣ.

Въ «Крыжовникѣ» авторъ затрогиваетъ вѣчно-больной вопросъ о человѣческомъ счастьи. Разсказчикъ высказывается противъ исканія счастья «на землѣ», въ деревнѣ. «Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны труну, а не человѣку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяготѣніе къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но вѣдь эти усадьбы тѣ-же три аршина земли. Уходить изъ города, отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходить и прятаться у себя въ

усадьбѣ—это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода монашество, но монашество безъ подвига. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ-бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободного духа». Въ видѣ иллюстраціи къ этимъ словамъ рассказчикъ (ветеринарный врачъ Иванъ Ивановичъ) приводитъ примѣръ своего брата, который писалъ бумаги въ казенной палатѣ и непрестанно мечталъ о томъ, какъ-бы поселиться въ деревнѣ, зажить помѣщикомъ. «Сельско-хозяйственныя книжки и всякіе эти совѣты въ календаряхъ составляли его радость, любимую духовную пищу; онъ любилъ читать и газеты, но читалъ въ нихъ одни только объявленія о томъ, что продаются столько-то десятинъ пашни и луга съ усадьбой, рѣкой, садомъ, мельницей съ проточными прудами. И рисовались у него въ головѣ дорожки въ саду, цвѣты, фрукты, скворешни, караси въ прудахъ и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемыя картины были различны, смотря по объявленіямъ, которыя попадались ему, но почему-то въ каждой изъ нихъ непременно былъ крыжовникъ. Ни одной усадьбы, ни одного поэтического угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства,—говорилъ онъ бывало.—Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ, пахнутъ такъ хорошо и... и крыжовникъ растетъ.—Онъ чертилъ планъ своего имѣнія, и всякій разъ у него на планѣ выходило одно и то-же: а) барскій домъ, б) людская, в) огородъ, г) крыжовникъ. Жилъ онъ скупно, не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался Богъ знаетъ какъ, словно нищій, и все копилъ и клалъ въ банкъ. Страшно жадничалъ. Мнѣ было больно глядѣть на него, и я кое-что давалъ ему и посылалъ на праздникахъ, но онъ и это пряталъ. Уже коли задался человѣкъ идеей, то ничего не подѣлаешь». Съ тою-же цѣлью герой разсказа женился на женщинѣ, у которой водились деньги, и почти уморилъ ее, не подозревая, впрочемъ, что является виновникомъ ея смерти. «Деньги, полагаетъ рассказчикъ,—какъ водка, дѣлаютъ человѣка чудакомъ. У насъ въ городѣ умиралъ купецъ. Передъ смертью приказалъ подать себѣ тарелку меду и сѣсть всѣ свои деньги и выигрышные билеты, вмѣстѣ съ медомъ, чтобы никому не досталось. Какъ-то на вокзалѣ

я осматривалъ гурты, и въ это время одинъ барышникъ попалъ подъ локомотивъ и ему отрѣзало ногу. Несемъ мы его въ пріемный покой, кровь льетъ—странное дѣло, а онъ все проситъ, чтобы ногу его отыскали, и все безпокоится; въ сапогѣ на стрѣзанной ногѣ двадцать рублей,—какъ-бы не пропали».

Наконецъ, мечта чиновника, тосковавшаго по деревнѣ, осуществилась. Сбереженія его достигли такихъ размѣровъ, что онъ могъ купить имѣніе. Усадьба его не соотвѣтствовала его идеалу, стояла рядомъ съ заводами при загрязненной рѣчкѣ, но онъ въ восторгѣ примирялся со всѣмъ, причемъ первымъ дѣломъ насадилъ крыжовнику. Разсказчикъ посѣтилъ своего брата и былъ пораженъ совершившейся въ немъ переменой. «Это ужъ былъ не прежній робкій бѣдняга-чиновникъ, а настоящий помѣщикъ, баринъ. Онъ ужъ обжился тутъ, привыкъ и вошелъ во вкусъ; кушалъ много, въ банѣ мылся; полнѣлъ, уже судился съ обществомъ и съ обоими заводами, и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородіе». И о душѣ своей заботился солидно, по-барски, и добрыя дѣла творилъ не просто, а съ важностью. А какія добрыя дѣла? Лѣчилъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой и въ день своихъ именинъ служилъ среди деревни благодарственный молебень, а потомъ ставилъ полведра; думалъ, что такъ нужно. Ахъ, эти ужасныя полведра! Сегодня толстый помѣщикъ тащитъ мужиковъ къ земскому началству за потраву, а завтра, въ торжественный день, ставитъ имъ полведра, а они пьютъ и кричатъ ура, и пьяные кланяются ему въ ноги. Перемена жизни къ лучшему, ситость, праздность развиваютъ въ русскомъ чело-вѣкѣ самоимѣніе, самое наглое. Николай Ивановичъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ однѣ только истины, и такимъ тономъ, точно министръ. «Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы».—«Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться, — говорилъ онъ.—Меня народъ любить. Стоитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу». И все это, замѣтите, говорилъ съ умной, доброй улыбкой. Онъ разъ двадцать повторилъ: «мы

дворяне», «я, какъ дворянинъ»; очевидно уже не помнилъ, что дѣдъ нашъ былъ мужикъ, а отецъ — солдатъ. Даже нѣша фамилія Чимша-Гималайскій, въ сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень пріятной». Главнымъ торжествомъ новаго помѣщика былъ первый, собранный съ посаженныхъ кустовъ крыжовникъ, въ который почему-то воплотилась его идея о счастіи въ деревнѣ. Онъ восторгался имъ какъ ребенокъ, хотя крыжовникъ былъ жестокъ и киселъ. Счастье брата, однако, не удовлетворило рассказчика. «Я видѣлъ, говоритъ онъ, счастливаго человѣка, завѣтная мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своей судьбой, самимъ собой. Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастіи всегда почему-то примѣшивалось что-то грустное, теперь же, при видѣ счастливаго человѣка, мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію. Особенно тяжело было ночью. Мнѣ постлали постель въ комнату рядомъ съ спальней брата, и мнѣ было слышно, какъ онъ не спалъ и какъ вставалъ и подходилъ къ тарелкѣ съ крыжовникомъ и бралъ по ягодѣ. Я соображалъ: какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемеріе, вранье... Между тѣмъ, во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который-бы вскрикнулъ, громко возмущенъ. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говсрятъ свою чепуху, жевятся, старятся, благодушно ташатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было-бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждого доволь-

наго счастливаго человѣка, стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ-бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ-бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда—болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину, и все обстоитъ благополучно. Въ ту ночь мнѣ стало понятно, какъ я тоже былъ доволенъ и счастливъ, — продолжалъ Иванъ Ивановичъ, вставая. — Я тоже за обѣдомъ и на охотѣ поучалъ, какъ жить, какъ вѣровать, какъ управлять народомъ. Я тоже говорилъ, что ученье свѣтъ, что образование необходимо, но для простыхъ людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорилъ я, безъ нея нельзя, какъ безъ воздуха, но надо подождать. Но во имя чего ждать?—спросилъ Иванъ Ивановичъ, сердито глядя на Буркина.—Во имя чего ждать, я вѣсь спрашиваю? Во имя какихъ соображеній? Мнѣ говорить, что не все сразу, всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время... Но кто это говоритъ? Гдѣ доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленій, но есть-ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящій человѣкъ, стою надо рвомъ и жду, когда онъ заростетъ самъ, или затынетъ его иломъ, въ то время какъ, быть можетъ, я могъ-бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ жить нужно и хочется жить!»

Изъ своего примѣра Иванъ Ивановичъ дѣлаетъ такой выводъ: «Счастья нѣтъ и не должно его быть, а есть жизнь, и если она имѣетъ смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ»... Законъ жизни—«дѣлайте добро».

Второй разсказъ, какъ изъ самаго названія его видно, посвященъ вопросу о любви. Разсказчикъ сомнѣвается въ возможности рѣшить этотъ вопросъ теоретически. «До сихъ поръ о любви была сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сія велика есть», все-же остальное, что писали и говорили о любви, было

не рѣшеніемъ, а только постановкой вопросовъ, которые такъ и оставались неразрѣшенными. То объясненіе, которое, казалось-бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти другихъ, и самое лучшее, по-моему—это объяснять каждый случай въ отдѣльности, не пытаясь обобщать. Надо, какъ говорятъ доктора, индивидуализировать каждый отдѣльный случай... Мы, русскіе, порядочные люди, питаемъ пристрастіе къ этимъ вопросамъ, остающимся безъ разрѣшенія. Обыкновенно любовь поэтизируютъ, украшаютъ ее розами, соловьями, мы же украшаемъ нашу любовь этими роковыми вопросами, и притомъ выбираемъ изъ нихъ самые неинтересные. Въ Москвѣ, когда я еще былъ студентомъ, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякій разъ, когда я держалъ ее въ объятіяхъ, думала о томъ, сколько я буду выдавать ей въ мѣсяцъ и почему теперь говядина за фунтъ. Такъ и мы, когда любимъ, то не перестаемъ задавать себѣ вопросы: честно это или не честно, умно или глупо, къ чему поведетъ эта любовь, и такъ далѣе... Хорошо это, или нѣтъ, я не знаю, но что это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, разаражаетъ — это я знаю.

За этимъ общимъ вступленіемъ слѣдуетъ примѣръ. Разсказчикъ передаетъ исторію своей любви къ замужней женщинѣ. Онъ былъ, что называется, «другомъ дома», поддерживалъ хорошія отношенія съ мужемъ любимой женщины, но о любви своей не заикался, хотя и она любила его.

«Я былъ несчастливъ. И дома, и въ полѣ, и въ са-раѣ я думалъ о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходитъ за неинтереснаго человѣка, почти за старика (мужу было больше сорока лѣтъ), имѣть отъ него дѣтей, — понять тайну этого неинтереснаго человѣка, добряка, простяка, который разсуждаетъ съ такимъ скучнымъ здравомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ держится около солидныхъ людей, вялый, неснужный, съ покорнымъ, безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавать, который вѣрить, однако, въ свое право быть счастливымъ, имѣть отъ нея дѣтей; и я все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка. А пріѣзжая въ городъ, я всякій

разъ по ея глазамъ видѣлъ, что она ждала меня; и она сама признавалась мнѣ, что еще съ утра у нея было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я приѣду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались другъ другу въ нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло-бы открыть нашу тайну намъ-же самимъ. Я любилъ нѣжно, глубоко, но я разсуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно-ли это? Она пошла-бы за мной, но куда? Куда-бы я могъ увести ее? Другое дѣло, если-бы у меня была красивая интересная жизнь, если-бы я, напримѣръ, боролся за освобожденіе родины, или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ, а то вѣдь изъ одной обычной, будничной обстановки пришлось-бы увлечь ее въ такую-же, или еще болѣе будничную. И какъ бы долго продолжалось наше счастье? Что было-бы съ ней въ случаѣ моей болѣзни, смерти, или, просто, если-бы мы разлюбили другъ друга? И она, повидимому, разсуждала подобнымъ-же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ея мужа какъ сына. Если-бы она отдалась своему чувству, то пришлось-бы лгать или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было-бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: принесетъ-ли мнѣ счастье ея любовь, не осложнитъ-ли она моей жизни, и безъ того тяжелой, полной всякихъ несчастій? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила съ мужемъ о томъ, что мнѣ нужно жениться на умной достойной дѣвушкѣ, которая была-бы хорошей хозяйкой, помощницей, — и тотчасъ-же добавляла, что во всемъ городѣ едва-ли найдется такая дѣвушка.

Прошло нѣсколько лѣтъ такой жизни. По городу уже ходили прочныя сплетни, но, говорить разсказчикъ, «на самомъ дѣлѣ, въ домѣ Лугановича я велъ себя вполнѣ безупречно, такъ-что минутами мнѣ становилось тяжело до слезъ эта роль благороднаго существа». Признаніе другъ другу въ затаенной любви появилось уже поздно, —

когда героиня уѣзжала совѣтъ изъ города. «Мы провожали Анну Алексѣевну большой толпой. Когда она уже простилась съ мужемъ и дѣтьми и до третьяго звонка оставалось одно мгновение, я вбѣжалъ къ ней въ купе, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла; и нужно было проститься... Когда тутъ, въ купе, взгляды наши встрѣтились, душевныя силы оставшия насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрая отъ слезъ, — о, какъ мы были съ ней несчастливы! — я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить съ высшаго, съ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе».

Ан. П.: Чехова нѣкоторые изъ критиковъ хотятъ представить отчаяннымъ и зловреднымъ пессимистомъ. Но не озлобленіе къ жизни вызываютъ его разсказы и даже не разочарованіе въ ней. Въ той грусти, которою заворожена наша жизнь и которую талантливый писатель разливать въ своихъ житейскихъ элегіяхъ, есть что-то примиряющее съ жизнью и прощающее ей... Ан. П. Чеховъ любить человѣчество со всѣми его слабостями и недостатками...

Для знакомства съ настроеніемъ общества въ извѣстную эпоху нѣтъ лучше источника, какъ біографіи отдѣльныхъ лицъ. Не нужно даже, чтобы эти біографіи были посвящены особенно крупнымъ, выдающимся дѣятелямъ: въ такихъ случаяхъ біографъ нерѣдко увлекается пестротой внѣшней дѣятельности своего героя и стираетъ съ его поступковъ тотъ духъ времени, то общее, которому подчиняются и великіе, и малые люди. Въ біографіи скромнаго дѣятеля характерныя признаки эпохи выступаютъ яснѣе, не заслоняясь подавляющими событіями его собственной личной жизни. Въ этомъ отношеніи интересенъ очеркъ В. В. Лесевича въ «Русс. Мысли» о «неизвѣстномъ», какъ самъ авторъ опредѣляетъ, современномъ молодомъ поэтѣ, Сергѣѣ Александровичѣ Корсакѣ, скончавшемся въ Ялтѣ три года тому назадъ и не удо-